

© 1994 г.

А.И. КРАВЧЕНКО

СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА: ТЕНДЕНЦИИ И ИТОГИ РАЗВИТИЯ

Юбилейные даты принято отмечать по-разному. В одних случаях готовится ретроспектива журнальных публикаций, в других ограничиваются мемуарами и интервью с ветеранами. Автор не собирается анализировать журнальные публикации по социологии труда за последние 20 лет, выделять самые интересные и достойные, отмечать происшедшие изменения, оценивать недостатки. В статье выбран иной ракурс: исторический анализ становления социологии в целом и социологии труда в частности за почти вековой период их существования с особым акцентом на современном этапе. Журнал «Социологические исследования» отразил на своих страницах и день минувший, и день нынешний. В его публикациях, как в зеркале, нашли свое отражение и закономерности исторического развития социологической науки, и механизмы роста научного знания, и накопление содержательных результатов социологических исследований, и методологическая рефлексия. Это как раз та направленность теоретического дискурса, которой автор более всего желал бы следовать.

Социология несоциологов

Часто бывает, что очевидные, казалось бы, факты, представленные в сравнительно-историческом анализе, высвечиваются с новой, неожиданной стороны. Мы привыкли к хроническому отсутствию профессионального социологического образования, прежде всего это относится к старшему поколению, для которого это не только факт истории, но и момент личной биографии. Но поставим вопрос иначе: возможно ли существование профессиональной социологии в стране, где нет профессионального социологического образования? Можно ли в таком случае говорить о научных основаниях дисциплины и в каком смысле?

На протяжении 100 лет российская социология создавалась несоциологами. Не являлись выпускниками социологических факультетов, где читались бы курсы и присваивались соответствующие научные степени, М. Ковалевский, П. Сорокин, Н. Кареев, А. Лаппо-Данилевский, Г. Осипов, М. Руткевич, О. Шкаратан, В. Ядов, Б. Грушин,

А. Здравомыслов, Т. Заславская, В. Шубкин, Ю. Левада. По своему базовому образованию они кто угодно — историки, юристы, философы, экономисты, — но только не социологи.

Правда, не были социологами по образованию также О. Конт, М. Вебер, Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, Ф. Теннис, А. Смолл, У. Самнер и многие другие, которых сегодня мы считаем пионерами и классиками мировой социологии. Однако в США и Франции с конца XIX века, а во всех других европейских странах (за некоторым исключением) со второй половины XX века академическую социологию создавали выпускники социологических факультетов университетов. Их усилиями формировалась непрерывная социологическая традиция. В России же все три исторических поколения социологов — дореволюционное, постреволюционное и послевоенное — не обладали университетским дипломом по социологии. Таково объективное положение дел, причины которого кроются в особенностях институционализации отечественной социологии.

Институционализация социологии

Первая в России кафедра социологии была организована М. Ковалевским при частном Психоневрологическом институте в Петербурге в 1908 г. Кроме того, в последнее десятилетие перед революцией лекции по социологии читались на Высших женских курсах, в биологической лаборатории П.Ф. Лесгафта. Основы социологического образования давала Высшая русская школа общественных наук в Париже, куда со всех концов России обращались за программами, учебным материалом, пособиями. В ее аудиториях раздавались голоса М.М. Ковалевского, Л.И. Мечникова, А.И. Чупрова, Н.И. Кареева, П.Н. Милукова, Е.В. де Роберти.

Несмотря на первые удачные шаги в дореволюционной России система регулярного социологического образования так и не сформировалась. Кафедры, курсы и школы просуществовали недолго, не дав ни одного полноценного выпуска социологов. Они остались лишь удачным историческим прецедентом. И лишь спустя без малого 100 лет в стране открываются социологические отделения (середина 80-х годов), а затем социологические факультеты при университетах Москвы и Ленинграда (конец 80-х). В начале 90-х годов социология преподается уже почти во всех вузах России, а также в некоторых колледжах, гимназиях, лицеях и сред необразовательных школах. Итак, между первым и вторым рождением социологического образования пролегает огромный исторический промежуток, в течение которого успели кардинально измениться политический строй, экономические основы общества, социальная структура населения.

Иначе обстояло дело в США. Первый в мире социологический факультет, где присуждалась научная степень, был учрежден при Чикагском университете в 1892 г. К 1990 г. курсы социологии — в виде циклов лекций, социологических кафедр и факультетов — функционировали в большинстве американских университетов и колледжей. В 1960 г. профессиональных социологов в США было больше, чем в других странах вместе взятых. Социологической литературы — монографий, учебников, программ, специализированных журналов — издается здесь больше, чем где бы то ни было.

Как видим, точки роста образования и институционализации социологии в США и России отстоят во времени на 100 лет. Первый профессиональный журнал в США появился в 1895 г., а в России — в 1974 г. В отличие от стран непрерывного социологического образования (США, Франция, Англия) страны прерывного социологического образования (Германия, Россия, Италия) с самого начала не сформировали *регулярной* традиции. Как в России, так и в Германии отношение к социологии со стороны официальных властей было либо подчеркнуто негативным, либо равнодушным. Проникновению социологии в университеты препятствовали царское и советское правительства в России, кайзеровские и фашистские власти в Германии. Царские министры и кайзеровские чиновники считали социологию рассадником

социалистических идей. Советские функционеры и в 20-е, и в 50-е годы называли ее «буржуазной наукой», предлагая взамен исторический материализм. Удивительно другое, каким образом при подобных условиях Россия и Германия умудрились сформировать великие социологические традиции, стать двумя из пяти самых развитых социологических стран.

Разумеется, и внутри стран «второго эшелона» обнаруживаются различия. В Германии и Италии социологическое образование появилось в 60-е годы, а в России — в конце 80-х. В первом случае социологов послевоенного поколения готовили на социологических факультетах, во втором — на философских. Отсюда разная научная ориентация, различия в стиле, содержании и направленности социологических исследований.

Что касается институционализации социологического образования в России, то следует выделить два ключевых момента. Первое рождение социологического образования в 90-е годы XIX века пришлось на время экономического подъема страны, наблюдавшегося после отмены крепостного права в 1861 г. Второе рождение выпало на период экономического кризиса, связанного с распадом советской социалистической системы. Первое рождение социологии происходило в рамках устоявшихся капиталистических отношений, второе — в рамках становящегося капитализма.

Философская социология

Из недр философии возникли все науки — от физики до психологии. Разница лишь в том, что одни дисциплины (физика, математика, логика) — прямо, а другие — косвенно формировались на базе тех наук, которые раньше отпочковались от философии. Социальные науки рождались из философии в исторический период, когда дисциплины естественнонаучного цикла давно уже прекратили непосредственную связь со своей родовой пуповиной, а именно в XIX веке. К примеру, философами являлись основатели психологии (В. Вундт), политической экономии (А. Смит), социологии (О. Конт). Все пионеры мировой социологии (М. Вебер, Г. Зиммель, А. Смолл, Э. Дюркгейм и другие) были, по сути, философами. Если не прямо по образованию, то косвенно по умонастроению и манере анализировать социальные явления.

Подобная закономерность не обошла стороной Россию. Вряд ли кто усомнится в философской ориентации сочинений М.М. Ковалевского, Н.Г. Чернышевского, П. Сорокина или А.И. Чупрова. И уже никто, пожалуй, не сомневается в том, что ранние сочинения Г.В. Осипова, М.Н. Руткевича, Б.А. Грушина, А.Г. Харчева — философские и по духу, и по букве. Перелистайте страницы журнала «Вопросы философии» начала 60-х годов, уделявшего внимание зарождающейся социологии, и вы найдете там имена основателей отечественной социологии послевоенного периода.

В течение 40 последних лет всем отечественным социологам присваивались ученые степени кандидата и доктора философских наук. Впервые степень по социологии появилась в 1990 г., после того как несколько ранее ВАК учредил шесть социологических специальностей. На протяжении 70 лет социология формировалась как составная часть философии — случай в XX веке беспрецедентный. Два философа в наибольшей мере повлияли на развитие отечественной социологии: до революции — с 40-х годов XIX века до 1917 г. — О. Конт, а после революции — с 1917 г. до конца 80-х годов XX века — К. Маркс. Но почувствовали ли мы заметную разницу «французского» и «немецкого» периодов становления российской социологии? И еще один вопрос: почему на российскую социологию никак не повлиял самый российский социолог П. Сорокин, зато американской социологии он оказал неоценимые услуги?

Все великие национальные социологические школы базировались на тех философских традициях, которые были сформированы собственной нацией, народом. Французская социология вышла из недр позитивизма, родоначальником которой явился

француз О. Конт, немецкая социология — из недр кантианства, которой очень симпатизировал самый немецкий из немецких социологов М. Вебер, американская социология — из недр созданного самими же американцами прагматизма. Но российская социология питалась чужеродными заимствованиями — позитивизмом и марксизмом. Оригинальным для России явилась скорее религиозная философия, давшая миру таких гигантов, как Флоренский, Бердяев, Соловьев, Булгаков, Федоров, Розанов. Однако религиозная философская мысль никак не повлияла на характер и содержание отечественной социологии ни до, ни после революции.

Самоидентификация

Быть социологом в стране, где социология десятилетиями официально не признавалась либо не имела статуса самостоятельной науки, если не невозможно, то по крайней мере очень непросто. Русский историк Н. Кареев назвал Н.Г. Чернышевского «самым крупным социологом в России до возникновения в ней социологии», а это означает, что «он был социологом, сам того не зная». Быть социологом и не подозревать этого в период, когда общественность Европы и Америки активно обсуждает проблемы социологии, согласимся, вполне по-русски.

В 60—80-е годы советские ученые стремились реально быть социологами и не скрывали того. Но в научных табелях о рангах они проходили по графе «философы». Все это время социология боролась за научное признание, шаг за шагом отвоевывая себе жизненное пространство. Драматургия борьбы ярко проявилась в бесконечных дискуссиях о предмете социологии. Пожалуй, никто в мире не затратил столько времени и сил на выяснение того, что никак не отражается на практике эмпирических и прикладных исследований. В Европе и Америке существуют десятки определений социологии, их формулирует под свои задачи и цели чуть ли не каждый второй. Никто не запрещает другим придерживаться противоположного мнения. Видимо, нигде в мире не существует феномена «коллективная дискуссия» о предмете социологии и нигде коллективное мнение не навязывается остальным.

В 20-е, 30-е, 50-е, 60-е, 70-е и 80-е годы регулярно возникали коллективные эпидемии по расшифровке того, что не следует расшифровывать. Хотя результаты дискуссии для практики социологической науки оказывались малопродуктивными, они постоянно возобновлялись. Приобщиться желали почти все социологически мыслящие профессионалы и дилетанты, но конечные решения, стратегию определяли «генералы». Лишь они верно понимали линию партии и правильно ее интерпретировали, с ней соотнобили осмысление природы и назначения социологии. Отклонения от нужной линии или выработанного «коллективным разумом» определения предмета социологии служили поводом для применения идеологических санкций по отношению к девиантам. Примеров тому можно привести достаточно. Не имея никакой практической пользы, дискуссии выполняли ритуальную функцию идентификации сообщества с провозглашенной стратегией.

Дискуссии выполняли еще одну важную функцию. Они служили прекрасной школой философской рефлексии по поводу социологии. Где еще можно было так воспарить в абстрактные выси псевдофилософских рассуждений о природе общества и при этом не быть битым профессиональными философами? Через философские упражнения по поводу предмета своей науки прошли все от мала до велика. Редакцию «Социса» периодически засыпают сочинения дилетантов и самоучек, пытающихся приспособить законы диалектики к механике скатывания шарика по наклонной плоскости либо к объяснению трансгисторического процесса становления человеческого общества.

Дискуссии о предмете социологии - во многом дань схоластической философии, из недр которой вышла социология советского периода. Такая философия одинаково далека и от подлинного марксизма, и от подлинной философии. Стремясь к само-

идентификации, к четкому и однозначному определению предмета своей науки, социологи вели себя на самом деле как отпетые философы. И поплатились за это. Определение социологии как науки о закономерностях развития и функционирования социалистического общества порождало иллюзию, что доказать и проверить такие законы можно непосредственно в эмпирическом исследовании, проведенном где-нибудь в Тамбове или Воскресенске. Статьи, поступавшие в «Социс» в эпоху развитого социализма, пестрели числовыми регулярностями и процентовками, которые авторы ничтоже сумняшеся выдавали за подтверждение правильности законов исторического материализма. Простим их наивность. Как еще можно проверить общеисторические законы превращения социалистического труда в коммунистический, если не с помощью единственно доступного средства — социологического опроса? Социолог без Социологического опроса — не социолог. Но и без философских рассуждений об обществе он тоже, оказывается, не социолог, поскольку социология — часть философии. Двойственность научного статуса социологии оборачивалась на практике двусмысленностью научных результатов.

Таким образом, в истории отечественной социологии отмечаются два примечательных события: затянувшийся на столетие процесс институционализации и продолжающаяся полстолетия дискуссия о предмете социологии.

Аграрная и промышленная социология

Историческая судьба социологии труда тесно связана с судьбой социологии в целом. И неудивительно — она ее составная часть. Стало быть, им обоим присущи одни и те же особенности институционализации. Вместе с тем в эволюции социологии труда прослеживаются специфические черты, о чем стоит поговорить особо.

Только на первый взгляд история социологии труда — однолинейный процесс накопления научных достижений и эмпирических фактов. Уже исходная точка, ее зарождение, таила в себе внутреннее противоречие, во многом предопределившее драматизм и напряженность последующего развития.

В социологии труда следует выделять две ветви — промышленную и аграрную социологию. Они различаются не только объектом исследования, кругом персоналий и получаемыми результатами. У них разная историческая судьба, а помимо того та и другая отображают — каждая по-своему — исторические реалии России. Судьба промышленности совсем непохожа на судьбу аграрного сектора, представленного последовательно сменяющимися друг друга качественно различными типами социальных форм — дореволюционной земледельческой общиной, постреволюционными крестьянскими хозяйствами и кооперативами, сталинскими колхозами, коллективными хозяйствами эпохи развитого социализма и современным многообразием форм крестьянской собственности. Думается, что здесь социальные отношения, не говоря уже о других сторонах жизнедеятельности, претерпели куда большие изменения, чем на предприятии, которое благодаря индустриально-технологической базе в меньшей степени изменяет свое социальное лицо.

Исходной точкой возникновения промышленной социологии может служить «рабочий вопрос». Его смысл заключается в том, что бурное развитие индустрии вызвало в России ряд негативных явлений (рост городской преступности, обострение жилищной проблемы, усиление эксплуатации труда и обнищание населения), которые обратили на себя внимание широкой общественности. О рабочем классе и промышленности заговорили. А раз так, то положение рабочего класса и развитие промышленности стали обсуждать на правительственном, парламентском и земском уровнях; принимались законы, публиковались результаты обследований, проекты, теории, бытописания. И произошло это не раньше 90-х годов XIX века. Вот когда начинается фактическое развитие промышленной социологии.

Что касается аграрной социологии, то исходной точкой ее развития следует — и это вполне логично — считать появление другого вопроса, не менее широко

обсуждавшегося общественностью, — о русской поземельной общине. Его истоки прослеживаются до начала XIX века и восходят к славянофилам. Во второй половине XIX века он становится «великим русским вопросом». Хотя сбор статистических и эмпирических данных о различных сторонах труда и быта заводских рабочих начинается с 1760 г. и практически регулярно ведется на протяжении всего XIX века, серьезных обобщающих работ социального характера, которые можно квалифицировать как относящиеся к промышленной социологии, в этот период сделано не было. Исключением служит, пожалуй, только книга В.В. Берви-Флеровского «Положение рабочего класса в России» (1869), где автор, обобщив широкий статистический материал и личные наблюдения, дал глубокий анализ типов хозяйства (помещичьего, фермерского, кулацкого и крестьянско-общинного), описал условия труда и быта, уровень и образ жизни занятого населения. В следующей книге «Азбука социальных наук» (1871) он затрагивает уже теоретические вопросы: отношения между работниками умственного и физического труда, функции бюрократического института и технического прогресса.

Сочинения В.Берви-Флеровского скорее исключение, нежели правило. К нему применимы слова Н. Кареева, сказанные о Н. Чернышевском: Берви-Флеровский был первым русским промышленным социологом в период, когда индустриальная социология еще не родилась. И подтверждением служат мысли о русской поземельной общине — высшей форме самоуправления народа, являющейся спасением России от пут бюрократии. Весьма примечательный факт: первый индустриальный социолог воспеваает не рабочий класс, не промышленность, а крестьянство и поземельную общину.

Притягательность общины для русской интеллигенции была велика. Ни в одной европейской стране полемика вокруг общины не приобретала столь широкого размаха и политического накала, как в России середины минувшего столетия. Европейцев тогда интересовали проблемы городского промышленного труда. В 50—60-е годы появляются многочисленные общинные теории, внесшие весомый вклад в мировую науку. Фактически все выдающиеся русские мыслители — А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, К.С. Аксаков, Н.Г. Чернышевский, С.М. Соловьев, Б.Н. Чичерин, К.Д. Кавелин, Т.Н. Грановский, В.Г. Белинский, А.И. Герцен, М.М. Ковалевский — участвовали в «великом русском споре». Кроме них научное изучение общины проводили историки, юристы, экономисты: И.В. Лучицкий, П.Г. Виноградов, А.Н. Савин, Д.М. Петрушевский, А.Я. Ефименко, П.А. Соколовский, Н.П. Павлов-Сильванский и другие. Постепенно в России накопилась беспрецедентная по масштабам и глубине историко-социологическая литература, насчитывающая около 4 тыс. произведений. Сформировалась оригинальная научная школа — русская государственная. Со временем отечественные исследователи-медиевисты заняли ведущие позиции в мировой науке.

Широким фронтом проходили эмпирические изыскания. Особо стоит отметить достижения К. Качоровского. Он и его помощники опросили крестьян из 90 тыс. общин и установили, что через 20 лет после отмены крепостного права русские крестьяне возвращаются к общинному укладу и коллективному труду. Капиталистические методы в их среде не привились.

XIX век оставался в России по преимуществу веком крестьянской общины, а не промышленного труда. В этот период в стране не появилось ни одного сколько-нибудь оригинального учения о капитализме или научной теории промышленного труда, учитывающих ее специфику. Но если не существовало учения о российском капитализме, то, может быть, не было и его самого? Или, точнее, еще не было? Зато существовали огромная литература о поземельной общине, стройное учение, объектом исследования которого выступало 80% населения (сравните: рабочий класс — объект промышленной социологии — в XIX веке составлял менее 10%).

Иначе обстоит дело с предметом исследования. Маломощная промышленная социология XIX века описывала исторически прогрессивный, но только еще нарождающийся строй — капитализм. Достигшая невиданных масштабов, поражающая

воображение аграрная социология описывала исторически регрессивный, уходящий социальный строй — феодализм. Степень зрелости общественного строя, как в зеркале, отразилась в степени зрелости соответствующей ему науке.

К области промышленной социологии, а лучше сказать, к сфере экономической социологии надо отнести классический труд В.И. Ленина «Развитие капитализма в России». Его теоретическое значение неизмеримо мало по сравнению с политическим влиянием. По сути, работа послужила научным обоснованием будущей большевистской революции, которую можно понимать и как политическое довершение промышленного переворота в России, запоздавшего, по сравнению с европейскими странами, на многие десятилетия. Труд Ленина появился в 1896 г. и представлял собой неясный вызов русской науке о поземельной общине. Автор провозгласил, что капитализм в России свершился и в стране созревают все необходимые предпосылки для пролетарской революции. Ленин предрекал гибель общины и провозглашал торжество крупной промышленности. По большей части то был политический, а не научный прогноз, сделанный с забеганием вперед. Ссылаясь на авторитет К. Маркса, Ленин постоянно оговаривался, что доказал применимость его теории капитализма к России. На самом же деле в 1881 г. Маркс в письме к В. Засулич совершенно недвусмысленно подчеркивал, что «Капитал» применим только к странам Западной Европы и не применим к России.

Таким образом, даже в своих лучших проявлениях промышленная социология XIX века ничего оригинального не представляла. То, в чем она была оригинальной (работы В. Берви-Флеровского), касалось апологии поземельной общины. То, в чем она была неоригинальной и представляла собой механические заимствования зарубежных, пусть и марксистских идей (работы В.И. Ленина), относилось к разрушению общины. Интересен и другой факт: почти все ученые-медиевисты были позитивистами, а исследователи промышленности придерживались марксистских взглядов. Первые выступали за стабильность общества, вторые — за его разрушение или радикальное изменение.

Ситуация изменяется в начале XX века, когда в стране широким фронтом развернулись конкретные социальные исследования промышленного труда. Россия поднялась на новый, более высокий уровень экономического развития. Формирование капиталистических отношений получило, как тогда полагали, необратимый характер. В поле научных изысканий оказались вопросы организации и условий труда, производственный травматизм и заболевания, заработная плата и стимулирование труда, условия найма и трудовые конфликты. Иными словами, все то, что характеризует общество со стабильной, а не кризисной экономикой. Совершенствуются методология и методика эмпирических исследований, применяются сплошные и выборочные обследования, анкеты, интервью, анализ документов, статистика. Наибольший вклад в развитие промышленной социологии внесли Е. Дементьев, В. Святловский, Г. Наумов, И. Поплавский, С. Прокопович, П. Тимофеев. В значительной степени эмпирическую базу социологической науки составили отчеты фабричных инспекторов, должности которых были введены в 1882 г. Развернувшиеся дискуссии по методолого-методическим проблемам, о границах измерения и применения количественных методов (А. Чупров, Г. Полляк, В. Леонтьев), о необходимости создать постоянную статистику рабочих профессий и социологическую теорию предприятия (А. Фортунатов), а также выход специализированных журналов, освещавших вопросы промышленного труда («Промышленность и здоровье», «Фабрично-заводское дело» и другие) свидетельствовали о зрелости отечественной социологии труда в целом. К исходу первой четверти XX века промышленная социология потеснила аграрную.

В журнале «Социологические исследования» достаточно полно рассмотрены проблемы развития социологии труда в начале XX века, так же как и следующий этап ее эволюции, связанный с зарождением социальной инженерии, психотехники и НОТ в 20-е годы. Укажем лишь на тот факт, что в 20—30-е годы благодаря усилиям А. Гастева, Ф.Р. Дунаевского, Н.А. Витке прикладная промышленная социология

вышла на самые передовые позиции в Европе и мире, а по ряду направлений, прежде всего в социальной инженерии, отечественные разработки опережали зарубежные аналоги. В гораздо меньшей степени в журнале освещались идеи таких крупных ученых, как С.Н. Булгаков, Н.Д. Кондратьев, М.И. Туган-Барановский, С.Г. Струмилин.

С. Булгаков известен не только как создатель христианской социологии, с которой познакомились читатели нашего журнала. В неменьшей степени его следует рассматривать и оценивать как творца оригинальной (впервые опубликована в 1912 г.) социологической теории хозяйства, получившей название трансцендентальной. В мировой литературе ничего подобного нет. В паре с Н. Кондратьевым, создавшим собственную и не имеющую аналогов концепцию хозяйства, которую он относил к социологии, С.Булгакова надо считать родоначальником отечественной общесоциологической теории труда и экономики. Впервые за долгие годы и именно после революции российская социальная мысль совершила гигантский прорыв в научной проблематике, выйдя на те рубежи, где начинается формирование оригинальной национальной школы социологии труда. Возможно, в недалеком будущем мы будем говорить о том, что произведение С. Булгакова и Н. Кондратьева по значимости и масштабности идей сопоставимы с сочинениями М. Вебера, Э. Дюркгейма и Г. Зиммеля, относящимися к социологии труда и экономической социологии. Что касается прикладной социологии, то в один ряд с ними можно поставить произведения А.К. Гастева. Два других корифея отечественной социологии труда — М.И. Туган-Барановский и С.Г. Струмилин — занимались в основном историко-сравнительным анализом, хотя известно, что у Струмилины есть прекрасные образцы проведенных им эмпирических исследований рабочего класса и прикладные разработки в области НОТ и социологии профессий. Сюда следует добавить книгу К. Пажитнова «Положение рабочего класса в России», хотя и вышедшую раньше (1906), но тематически примыкающую к их трудам.

Центральное направление

Среди отраслей отечественной социологии, представленных социологией семьи, военной социологией, социологией города и множеством других, особое место занимает социология труда. На протяжении 30 послевоенных лет она считалась ведущей.

Иначе обстоит дело за рубежом. В США индустриальная социология в рейтинге социологических дисциплин занимает очень скромное место и преподается не более чем в трети университетов и колледжей. По числу публикаций и научной значимости она отстает от истории социологии, методологии и методики, теоретической социологии, социологии семьи, социологии расовых отношений, преступности и девиантного поведения. Она не относится к числу фундаментальных академических наук, у нее маргинальный статус полуакадемической, полуприкладной области знания.

Иное положение у марксистской социологии труда в СССР и в социалистических странах. В структуре общественного сознания социальные проблемы труда занимали центральное место, которое определялось историей марксизма и ролью категорий общественного труда в историческом материализме. Категориальная система труда в истинном смысле играла исключительно важную роль: через разделение общественного труда описывалась смена социально-экономических формаций, общественные противоречия и социальный прогресс, возникновение и распад классов, изменение профессиональной структуры и т.п. Распределение по труду объясняло социальную справедливость, мотивацию и стимулирование труда, отчуждение и аномию. Понятие досуга рассматривалось только относительно категории труда — как не-труд. Даже перспективы советского общества описывались через становление социальной однородности труда, сближение умственного и физического, городского и сельского труда, вытеснение остатков социалистического труда коммунистическим. Иными словами, вся архитектура социальных отношений в обществе создавалась на базе труда.

Доминировать категориальный строй труда начал в марксистском общественном сознании еще в 20-е годы, хотя очевидно это стало лишь в 60-е. Именно в этот период начинается стабильный этап развития советского общества. Классовая борьба отступает на второй план. На повестке дня партийных съездов, определяющих стратегию социологической мысли, — научно-технический прогресс, повышение производительности общественного труда и задача догнать передовые капиталистические страны. От стратегии разжигания мировой революции большевики переходят к стратегии мирного сотрудничества стран с различным социальным укладом. Стабилизационные тенденции повышают значимость мирного труда. В массовое сознание внедряются лозунги обогащения и гуманизации труда, всемерного роста потребностей, понятия социальных факторов производства, всесторонне развитой личности, морального и материального стимулирования, социалистического соревнования. Пик стабилизационных тенденций приходится на середину 70-х годов. Именно в это время учреждается журнал «Социологические исследования», основные задачи которого — отражение достижений советской социологии и пропаганда преимуществ социализма. Названия рубрик и тематика статей первых лет существования журнала красноречиво свидетельствуют о том, насколько успешно претворялись в жизнь установки партии. Ни одна крупная статья не появлялась без обильных выдержек из партийных документов и работ классиков марксизма-ленинизма. Дыхание эпохи ощущалось, кажется, даже в способе полиграфического оформления страниц.

Техническая гонка за ушедшими далеко вперед США и ФРГ обходилась дорого. Приоритетными считались технические и экономические задачи, а социальная сфера финансировалась по остаточному принципу. В число «остаточных» попадали все социальные проблемы производства, а заводская социология, в это время достигшая максимума развития, ощутила на себе «заботу» партии и правительства. Более 500 заводских служб, разбросанных по всей стране, занимались укреплением дисциплины труда, сокращением текучести кадров, улучшением социально-психологического климата, т.е. латанием прорех в производстве, которые образовались вследствие экономического фетишизма и остаточного финансирования социальных проблем. Конечно, денег заводским социологам выделяли мало, статус их был неопределенным, задачи — размытыми. Они первыми попадали под сокращение, и первыми нагружались несвойственными функциями. Призванные быть социальными критиками, они превратились в социальных дворников.

Перелистайте «Социс» середины 70-х и начала 80-х годов, и вы обнаружите ставшую библиографической редкостью рубрику «В помощь заводскому социологу». Сегодня уже нет заводских социологов, ни у кого не болит голова за судьбу прикладной промышленной социологии. Журнал накопил уникальный материал, в котором год за годом, шаг за шагом, прослеживается становление заводской социологии — некогда самого многочисленного, самого боевитого, хотя и не самого квалифицированного отряда советских социологов. Постановление ЦК КПСС о дальнейшем развитии заводской социологии, опубликованное нашим журналом в 1986 г., пришлось как нельзя кстати — через два года заводская социология скончалась. Правда, еще в 1991 г. в редакцию приходили письма заводских социологов, где они рассказывали, как ни в чем не бывало, о социальном планировании, укреплении дисциплины, борьбе с текучестью кадров и прогулами. А на дворе уже всюду свирепствовал капитализм.

Судьба аграрной социологии еще более драматична, чем судьба промышленной социологии. В постреволюционный и послевоенный периоды она просто обосновалась на периферии социологии труда. Исчез основной объект исследования, делавший ее непохожим, самобытным явлением, — русская поземельная община. Заменявшие ее колхозы и совхозы эпохи развитого социализма скорее напоминали сельские промышленные комплексы. Даже понятия, при помощи которых аграрные социологи описывали экономические и социальные процессы на селе, больше соответствовали промышленному труду: производительные силы и производственные отношения, дисциплина труда, организация, условия, характер и содержание труда, социа-

листическое соревнование и т.п. Уникальная специфика русской деревни учитывалась в минимальной степени.

Изменения неувидительны, если учесть историческую логику событий. Дореволюционные медиевисты видели в поземельной общине будущее России, послевоенные «деревенщики» усматривали в колхозах настоящее и прошлое. Колхозы должны были уступить место совхозам как более высокой форме общественного труда, а те в свою очередь — аграрно-промышленным комплексам. Укрупнение деревень, ликвидация так называемых бесперспективных сел и селений рассматривались советскими социологами как признаки социально-экономического прогресса, сближения города и села, исчезновения разницы между промышленным и сельским трудом. Всеобщая индустриализация не составляла места тому, что на протяжении веков являлось оплотом и силой российского общества. Все мы радовались, что в сельский быт и образ жизни вторгаются городские черты: шоссе, автомагистрали, перерабатывающее производство, телевизоры, телефоны, служба быта и т.д.

Если аграрная социология, подобно шагреновой коже, катастрофически сжималась, то промышленная, напротив, расширялась и множилась. По существу, социология труда послевоенного периода все больше идентифицировалась лишь с одной своей ветвью — промышленной социологией. Она послужила тематическим ядром социологии труда, от которого уходили «атомарные» ответвления, со временем принявшие облик самостоятельных направлений и поддисциплин. Появившись в качестве средства, метода, инструмента работы заводского социолога 60-х годов, социальное планирование к началу 80-х превратилось в многоводное и всеильное практическое направление промышленной социологии. Мода на социальное планирование стала повальной. Оно переросло границы заводской социологии, им начали заниматься все — от сотрудников отделов кадров до профоргов и секретарей парторганизаций. Социологические службы действовали от силы на 10% предприятий, но социальным планированием к середине 80-х годов было охвачено чуть ли не 100%.

За социальным планированием потянулись к суверенитету социальное проектирование, социальное прогнозирование, социальное управление, а в конце 80-х годов к ним присоединились социология организаций, социология менеджмента, экономическая социология, социальная инженерия, социология нововведений, социальные технологии, методология деловых игр (игротехника). Научное знание в промышленной социологии разрасталось, как снежный ком. Пролиферация знания достигла рубежа, где стала необратимой. Внутри каждого отраслевого ответвления возникли самостоятельные школы, направления, парадигмы, научные сообщества. В одной только игротехнике их насчитывается с добрый десяток.

Сегодня карта научного знания в социологии труда представляет пестрое одеяло, скроенное из лоскутков разных размеров и цветов. Возможно, что она и прежде не была монолитным единством, но сейчас плюрализм форм из теоретического грозит стать чуть ли не политическим. Отраслевика скоро, пожалуй, не захотят называть себя социологами труда. Еще большую путаницу внесли три новообразования, появившиеся, на рубеже 90-х годов, — маркетинговые исследования, социальная работа и экономическая социология. Все они в той или иной степени занимаются также и проблемами труда, но в ином понимании этого слова. От социологии труда веет пережитками социализма, посему многие специалисты предпочитают относить себя к сфере экономической социологии, маркетингу, бизнесу, предпринимательству.

Видимо, социальные работники приходят на смену заводским социологам и станут вскоре самой массовой профессией. Только бы они не разделили их судьбу. Во всяком случае место на рынке труда вакантно. Оно сохранится таковым до тех пор, пока Россия не отступит от излюбленной тактики «шаг вперед — два шага назад». И не только в области экономических реформ. Обвальное обнищание населения расширяет сферу деятельности социальных работников до бесконечности: к старым группам социальных аутсайдеров и незащищенных категорий то и дело прибавляются новые. А финансирование, между тем, продолжается по остаточному принципу. Может так

случиться, что самой незащищенной группой в ближайшем будущем явятся социальные работники.

На противоположном полюсе благополучия — те социологи, которые вовремя настроились на коммерческую волну и занимаются заказными исследованиями. Спонсорами выступают не только отечественные, но и зарубежные предприниматели. Россия — необъятный рынок, его можно изучать очень долго. Исследования-однодневки, исполненные по коммерческим стандартам, конечно же, не обогатят науку. Коммерциализации современной промышленной социологии означает ее гибель. Правда, внутри больного организма пробиваются к жизни здоровые ростки, внушающие определенную толику оптимизма. Социология труда перекочевывает из институтских кабинетов и заводских лабораторий в просторные аудитории университетов.

Наука возвращается на круги своя. Во всем мире академическая социология идентифицируется не с Академией наук, как это было в СССР, а с университетами и колледжами. Исследование не должно отрываться от преподавания. Открытие научных знаний и их передача — две стороны одного и того же процесса. Сегодня они, кажется, воссоединились. Курсы социологии труда, которые читаются в большинстве вузов страны, дадут новый толчок ее развитию, потребуют систематизации знаний, глубокой осведомленности в области истории и методологии. И этот процесс уже идет.